

Филиппов О.С.

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЛИЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ:
ОПЫТ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[©]**

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, osflingv@mail.ru*

Аннотация. Автор анализирует подходы к безличности как категории, способам ее представления в русском и английском языках и предлагает новый подход, основанный на исследовании соотношения частотности способов выражения безличности при переводе. Цель исследования – установление количественных показателей в использовании определенных способов представления безличности при переводе. В работе используются сопоставительный и описательный методы. По предварительным выводам, русские возвратные глаголы часто передаются на английский язык глаголами в форме пассивного залога.

Ключевые слова: безличность; способы выражения безличности; безличные предложения; залог; перевод; диахрония; частотность.

Поступила: 25.11.2024

Принята к печати: 10.06.2025

Filippov O.S.

**Means of rendering impersonality in translation:
diachronic analysis[©]**

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, osflingv@mail.ru*

Abstract. The author analyses theoretical approaches to impersonality as a syntactic category, as well as means of its representation in the Russian and English languages and proposes a new approach, which is based on the frequency of different means of rendering impersonality in Russian-to-English translation. The study aims to establish quantitative indicators in the use of certain means of rendering impersonality in translation. The author uses the comparative and descriptive methods. According to our preliminary conclusions, Russian reflexive verbs are often translated with the verbs in the passive voice.

Keywords: impersonality; impersonal sentences; impersonal constructions; voice; translation; diachrony; frequency.

Received: 25.11.2024

Accepted: 10.06.2025

Введение

Еще в середине XX в. отечественные лингвисты отмечали, что количество безличных предложений в русском языке увеличивается, объясняя этот процесс развитием форм абстрактного мышления [Галкина-Федорук, 1958, с. 151]. Перевод безличных конструкций русского языка, являющихся его характерной синтаксической особенностью, представляет известные трудности и закономерно вызывает необходимость научного осмысления специфики формально-содержательной категории «безличность» в русском языке и ее ближайших аналогов в английском языке. В теоретическом аспекте изучение безличности осложняется широким спектром научных представлений относительно ее содержания, места в синтаксической подсистеме русского языка, способов реализации в речи, что обуславливает и трудности адекватной передачи на английский язык, не нарушив при этом узуальные нормы принимающего языка и одновременно сохранив смысловое содержание предложения.

Представляется, что одним из эффективных способов формирования переводческих рекомендаций, способствующих преодолению трудностей передачи безличных конструкций, может стать осмысление частотности определенных способов выражения безличности в русском и английском языках. С целью определения таких способов мы предполагаем 1) рассмотреть основные классификации способов выражения безличности в русском и английском языках; 2) проанализировать приемы, которые использовали переводчики для передачи различных единиц безличности; 3) сопоставить теоретические концепции с тем, чтобы установить, реализуются ли они в конкретных переводах.

О месте безличных конструкций в русской грамматике писали классики отечественной науки (В.И. Классовский, Е.М. Галкина-Федорук, А.А. Потеня, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Г.А. Золотова и др.), а проблемы передачи таких конструкций в переводах частично освещались в работах Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман, В.Н. Комиссарова, А. Паршина и др. Что касается более современных исследований, то целесообразно упомянуть следующие работы [Петров, 2007; А.А. Зализняк, Кружкова, 2016; Березина, 2018] и др.

Таким образом, может сложиться впечатление, что поставленная нами проблема описана исчерпывающе, однако в рамках теории перевода нет исследований, посвященных сопоставительному аспекту выражения безличности в грамматике разных языков и частотным способам передачи русских безличных предложений на другие языки. Кроме того, мы предлагаем предварительную классификацию способов выражения безличности, релевантную для общей и частной теорий перевода.

Практическая часть исследования посвящена сопоставлению количества единиц безличности в относительно небольшом русском тексте с количеством единиц безличности в двух текстах переводов.

О безличности в русском языке

Классики отечественного синтаксиса подчеркивали, что безличность в русском языке непрерывно развивается, а количество безличных предложений растет, что обусловлено развитием форм абстрактного мышления и расширением состава средств изобразительности речи [Галкина-Федорук, 1958; Пешковский, 2001]. Как отмечает О.А. Березина, изучение безличности ведется в трех основных

парадигмах, которые лингвист условно называет «лингвокультурологической, семантико-синтаксической и типологической» [Березина, 2018, с. 7]. Например, А. Вежицкая рассматривает безличность через призму экстралингвистических факторов в рамках лингвокультурологического подхода. Ссылаясь на типологическую классификацию языков мира, лингвист отмечает, что английский – агентивный язык, в котором изобилуют номинативные конструкции, а русский язык – пациентивный: для него более типичны конструкции с дательным падежом субъекта: «именно они в значительной степени определяют колорит подлинно русской речи» [Вежицкая, 1996, с. 55]. Вместе с тем в обоих языках есть как номинативная, так и дативная модели; существенная разница между ними проявляется в частоте употребления и некоторых лексических особенностях. Лингвист заключает, что «английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто мы всецело управляем ими, а русскому менталитету, который находит свое отражение в языке, свойственна иррациональность и неконтролируемость» [там же, с. 56].

Критику этой точки зрения можно найти, например, у Г.А. Золотовой, считающей, что широкий спектр безличных моделей, присутствующих в языке, говорит о богатстве смысловых и выразительных оттенков, а никак не о пассивности и иррациональности русского национального характера. Кроме того, в русском языке различается «маркированная и немаркированная стихийность воздействия» [Золотова, 2000, с. 114], чем говорящий может воспользоваться, чтобы придать каузатору более выразительный оттенок (*Его убило молнией – Его убила молния*).

А.В. Петров рассматривает категорию безличности с позиций семантического синтаксиса. Он предлагает оригинальную классификацию средств выражений безличности, осуществляет обширное лексикографическое описание безличных глагольных форм и дает определение безличности: «Безличность по своим сущностным свойствам, безусловно, является категорией – общим фундаментальным понятием, основным содержанием которого выступает инвариантное значение грамматической бессубъектности, реализуемое различными способами выражения: специализированными морфологическими формами и специализированными синтаксическими конструкциями, которые, в свою очередь, противопоставлены друг другу в пределах общекатегориального значения и соотнесены как прототипические и интерпретационные

представители данной категории» [Петров, 2009, с. 34]. А.В. Петров считает, что безличное предложение – основной способ выражения семантико-грамматической категории безличности. Ее инвариантное значение – грамматическая бессубъектность – проявляется на синтаксическом уровне как бесподлежащность, на морфологическом уровне как выражение сказуемого специализированной безличной формой, на семантическом уровне как независимость действия или состояния, обусловленная неактивностью субъекта [там же, с. 36].

По мнению Ю.П. Князева, синтаксическая безличность является частным случаем проявления более широкой категории личности / безличности в языке, представляющей универсальную семантико-синтаксическую категорию языка, которая характеризуется отнесением субъекта предложения к какому-либо предмету во внешнем мире (референту) и при этом степенью выделенности (отдельности) этого предмета в пространстве и времени [Князев, 2010, с. 695]. Исследователь выделяет три основные семантические зоны, в которых реализуются безличные конструкции, обозначающие независимость ситуации / состояния от чьей-либо воли.

О безличности в английском языке

А.И. Смирницкий, рассматривая русские предложения типа *Темно* и *Необходимо* и их английские эквиваленты *It is dark* и *It is necessary*, называет последние «безличными» и уточняет, что, в отличие от русских безличных предложений, английские безличные предложения всегда имеют подлежащее, которое не имеет реального референта, потому что английский глагол формально не всегда может ясно указывать на субъект. Эту функцию, аналогичную функции глагольной флексии, выполняет слово *it* [Смирницкий, 1957].

Практически ту же интерпретацию специфики безличности в сравниваемых языках встречаем у Л.С. Бархударова, который структурно и семантически соотносит предложения типа *It was difficult to work* с предложениями *To work was difficult*. По его мнению, использование глагольной формы в качестве подлежащего в английском языке менее типично: «...подлежащим является прерывистая составляющая *it... to work*» [Бархударов, 1966, с. 161].

О.А. Березина выделяет две группы глагольных предложений с разными типами безличных предикатов: предложения с собственно-безличными предикатами – событийная модель, предложения

с функционально-безличными предикатами – рецептивная модель, – и увязывает это разделение со спецификой «коммуникативно-функциональной значимости различных синтаксических структур» [Березина, 2014, с. 140]. Исследователь считает, что в современном английском языке основным средством выражения категории безличности служат синтаксические конструкции с компонентом *it* в роли грамматического подлежащего [Березина, 2010, с. 45].

В диахроническом аспекте безличность рассматривали D. Denison, O. Fischer, F. Van der Leek. Установлено, что в древне-английском языке существовали безличные и односоставные предложения, а деятель в них выражался в форме дательного падежа [Denison, 1990, p. 121]. Отметим, что со временем так называемые «собственно безличные предложения» в английском языке – без *it* в качестве формального подлежащего – стали маркированными и впоследствии вышли из употребления [Fischer, Leek, 1983, p. 366], в отличие от русского языка, где они в ходе эволюции мышления получили более широкое распространение.

В рамках нашего исследования безличности в качестве рабочего определения мы используем приведенное выше определение Ю.П. Князева [Князев, 2010]. Кроме того, уточним, что безличная конструкция – конструкция, в которой подлежащее может быть выражено неактивным существительным или местоимением, формальным местоимением или не выражено вовсе. На основе этого определения мы предлагаем различать следующие релевантные для теории перевода способы выражения безличности в русском языке: безличные предложения, страдательный залог, неопределенно-личные предложения и возвратные глаголы. К способам выражения безличности в английском языке мы относим: десемантизированный элемент *it*, десемантизированный элемент *there*, пассивный залог и компонент *one*.

Результаты диахронического количественного исследования способов выражения безличности

Для анализа мы взяли повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» и два ее перевода. Первый перевод выполнил Джон Баттерсби Элрингтон (John Battersby Elrington) в 1803 г., то есть при жизни автора, второй – Николас Ржевский (Nicholas Rzhevsky) для сборника «Антология русской литературы» (*An Anthology of Russian Literature*), опубликованного в 1996 г. Выбор материала – произведение

художественной литературы – обусловлен тем, что в дальнейшем предполагается использовать эти подсчеты для сопоставления с данными, полученными на материалах публицистики, применяя при этом методы корпусного анализа текстов.

Было установлено, что в тексте оригинала использовалось 116 единиц, реализующих категорию безличности. Среди них 106 возвратных глаголов, три глагольные формы страдательного залога, шесть неопределенно-личных глаголов и одно безличное предложение. Приведем примеры каждого из представленных способов реализации безличности в русском тексте:

– *Еще далее, почти на краю горизонта, синятся Воробьевы горы.*

– *Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку.*

– *Скоро заклучили мир.*

– *Становилось темно.*

В переводе 1803 г. мы выделили 51 единицу, представляющую категорию безличности, в том числе 25 единиц, выражающих пассивный залог, 16 предложений с десемантизированным элементом *it* и 10 возвратных конструкций.

В переводе 1996 г. было обнаружено 30 единиц, оформляющих пассивный залог, семь возвратных конструкций, четыре предложения с десемантизированным элементом *it*, одно предложение с десемантизированным элементом *there* и одно предложение с компонентом *one*, указывающим на выражение безличности. Приведем примеры каждого из представленных способов реализации безличности в английском тексте:

– *But more often, I am attracted to the walls of the Simonov Monastery by the memory of the lamentable fate of Liza.*

– *It was getting dark and the young man wanted to leave.*

– *You know, there is a war going on.*

– *On the other side of the river one can see an oak grove beside which graze numerous herds.*

Конструкции типа *When Liza found herself outside* (*Луза очутилась на улице*) и *She threw herself into his embrace* (*Она бросилась в его объятия*) мы условно называли возвратными. Однако этот вопрос требует более детального изучения. Частотность подобных конструкций можно проверить с помощью методов корпусной лингвистики.

Как показал анализ, на 5048 слов оригинала пришлось 106 единиц возвратных глаголов, шесть единиц неопределенно-личных глаголов, три единицы страдательного залога и одно безличное предложение. Для их передачи переводчики в данном случае использовали глагольные формы пассивного залога и переводческие трансформации:

– Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, – еще более закраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмет рубля.

– Lisa...quite astonished...looked timidly on the youth; but, instantly casting down her dove-like eyes, the bud on her cheeks expanded to the full-blown rose...and, while its crimson bespoke her confusion, she faintly uttered... ‘I cannot take the ruble’ (1803).

– Liza was surprised, dared to glance up at the young man, blushed even more, and lowering her eyes to the ground told him she would not take the ruble (1996).

Переводоведческий анализ проводится с опорой на тезисы В.Н. Комиссарова, в частности его толкование адекватности и эквивалентности перевода, а также идеи Я.И. Рецкера и А.Д. Швейцера о переводческих трансформациях.

В первом переводе используется глагол *astonish* в форме причастия, который означает крайнюю форму удивления – в качестве русского эквивалента можно предложить глагол *изумлять*. Произошла синтаксическая перестройка и свертывание предикации, вследствие чего глагол трансформировался в причастие. Далее переводчик изменил структуру предложения и передал смысл, используя наречие *timidly* ‘робко, нерешительно’. Я.И. Рецкер, описавший это явление, назвал его компенсацией: семантика глагола передается через семантику наречия. Наконец, для передачи смущения переводчик прибегнул к развернутой метафоре: «Росток на ее щеках превратился в красивую розу». В соответствии с терминологией Я.И. Рецкера, было использовано целостное преобразование.

Во втором переводе используется семантически точный глагол *surprise* в форме пассивного залога. Далее, переводчик применил два удачных эквивалента – глаголы *dare* и *blush*. Налицо, согласно В.Н. Комиссарову, четвертый тип эквивалентности.

Оба перевода можно считать адекватными, поскольку во всех фрагментах коммуникативная интенция – продемонстрировать удивление, показать застенчивость и смущение – передана.

– На лице и во всех ее движениях обнаруживалась сердечная радость.

– Her eyes beamed perfect joy; her countenance bespoke a heart at ease; and gaiety, content, and pleasure, smiled in every feature (1803).

– On her face and in all of her movements she revealed a heart-felt joy (1996).

В первом фрагменте переводчик применил целостное преобразование и конкретизацию: «Ее глаза излучали безмерное счастье; ее образ выражал спокойствие; во всех ее чертах проявлялась радость, удовлетворенность и удовольствие». Во втором переводе используется конверсивный перевод (А.Д. Швейцер), то есть изменено направление действия. Оба варианта можно также считать адекватными, так как коммуникативное намерение полностью передано.

Заключение

Безличность представляет собой сложную формально-содержательную языковую категорию, передача которой в переводе сопряжена с определенными трудностями.

В процессе работы с языковым материалом мы столкнулись с проблемой разграничения собственно безличных глаголов (*становилось* темно) и личных глаголов в безличном значении ([что с тобой] *сделалось*).

В проанализированном материале для передачи русских возвратных глаголов на английский язык переводчики часто использовали глаголы в форме пассивного залога. Кроме того, в некоторых случаях возвратные глаголы передаются английскими глаголами в активном залоге (*осмелиться* – *dare*; *закраснеться* – *blush* и подобное).

Список литературы

- Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – Москва : Высшая школа, 1966. – 200 с.
- Березина О.А. К вопросу о языковой репрезентации категории безличности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4. – С. 39–51.
- Березина О.А. Классификация моделей глагольного безличного предложения в современном английском языке // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 2. – С. 133–140.

- Березина О.А. Языковые средства актуализации категории «безличность». – Казань : Бук, 2018. – 186 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с.
- Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – Москва : МГУ, 1958. – 332 с.
- Золотова Г.А. Понятие личности / безличности и его интерпретации // *Russian Linguistics*. – 2000. – Vol. 24, No. 2. – P. 103–115.
- Князев Ю.П. Личности – безличности категория // *Большая российская энциклопедия*. – Москва, 2010. – Т. 17. – С. 695–696.
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – 2-е изд., испр. – Москва : Р. Валент, 2011. – 408 с.
- Петров А.В. Категориальный статус безличности // *Русский язык: система и функционирование* : сб. материалов IV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Минск, 2009. – Ч. 1. – С. 34–37.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
- Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 284 с.
- Denison D. The old English impersonal revived // *Papers of the 5th International Conference on English Historical Linguistics* / ed. by S. Adamson, V.A. Law, N. Vincent, S. Wright. – Amsterdam : John Benjamins, 1990. – P. 111–141. DOI: 10.1075/cilt.65.10den
- Fischer O.C.M., van der Leek F.C. The demise of the old English impersonal construction // *Journal of Linguistics*. – 1983. – Vol. 19. – P. 337–368. DOI: 10.1017/S0022226700007775

References

- Barhudarov, L.S. (1966). *Struktura prostogo predlozheniya sovremennogo angliyskogo yazyka*. Moscow: Visshaya shkola.
- Berezina, O.A. (2010). K voprosu o yazykovoy reprezentatsii kategorii bezlichnosti. *Voprosi kognitivnoy lingvistiki*, 4, 39–51.
- Berezina, O.A. (2014). Klassifikatsiya modeley glagolnogo bezlichnogo predlozheniya v sovremennom angliyskom yazike. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, 2, 133–140.
- Vežbickaja, A. (1996). *Yazik. Kultura. Poznanie*. Moscow: Russkiye slovari.
- Galkina-Fedoruk, E.M. (1958). *Bezlichnie predlozheniya v sovremennom russkom yazike*. Moscow: MGU.
- Knyazev, Yu.P. (2010). Lichnosti–bezlichnosti kategoriya. In *Bolshaya rossijskaya entsiklopediya*, Vol. 17, 695–696.
- Komissarov, V.N. (2011). *Sovremennoye perevodovedeniye*. Moscow: R. Valent.
- Petrov, A.V. (2009). Kategorialniy status bezlichnosti. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovaniye*, 1, 34–37.
- Peshkovskiy, A.M. (2001). *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii*. Moscow: URSS.
- Smirnitskiy, A.I. (1957). *Sintaksis angliyskogo yazyka*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannih yazykah.

- Denison, D. (1990). The old English impersonal revived. In Adamson S.M., Law V.A., Vincent N., and Wright S. (eds.). *Papers of the 5th International Conference on English Historical Linguistics* (pp. 111–140). Amsterdam: John Benjamins. DOI: 10.1075/cilt.65.10den
- Fischer, O.C.M., van der Leek, F.C. (1983). The demise of the old English impersonal construction. *Journal of Linguistics*, 19, 337–368. DOI: 10.1017/S0022226700007775
-

Сведения об авторе

Филиппов Олег Сергеевич – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, osflingv@mail.ru

About the author

Filippov Oleg Sergeevich – Post-graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow, osflingv@mail.ru